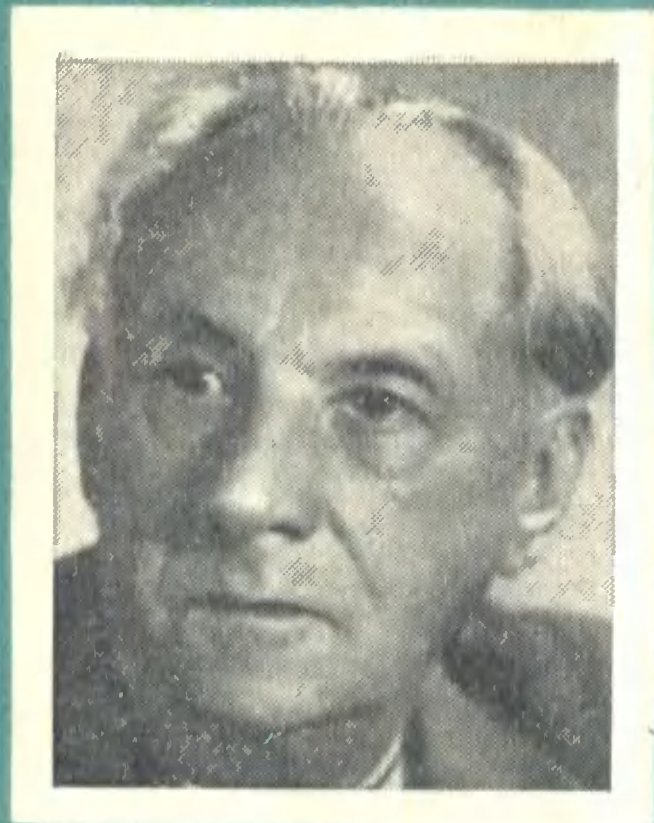

Библиотечка избранной литературы

МАКСИМ
РЫЛОВСКИЙ

Библиотечка
избранной
лирики

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1965

Редакционная коллегия:

**И. ГРУДЕВ, Ю. ДРУНИНА,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, Я. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, Вас. ФЕДОРОВ**

Рыльский Максим Фаддеевич

**ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия», 1965.
32 с. («Б-чка избранной лирики»).**

Редактор М. Беляев

Художник А. Власова

Худож. редактор Н. Коробейников

Техн. редактор Г. Обуховская

**А08951. Подп. к печ. 4/Х 1965 г. Бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 1(1,4).
Уч.-изд. л. 1. Тираж 70 000 экз. Заказ 1690. Цена 5 коп.
СПХЛ 1965 г., № 536.**

**Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская. 21.**

О М. Ф. РЫЛЬСКОМ

Он жил среди нас, он ходил по земле, по которой ходим и мы,— наш душевный собеседник и вместе с тем ненавязчивый наставник.

Он улыбался шуткам и выслушивал назиданья. Нам казалось, он идет рядом и даже несколько отстает, но он шел впереди.

Он был поэтом и переводчиком, ученым и публицистом. Традиции трех гениев славянства: Пушкина, Мицкевича, Шевченко — традиции жизнелюбия, ясности и целеустремленности — стали традициями Рыльского.

Он любил видимый и слышимый мир перед собой, и этот звонкий и яркий мир — люди и природа — отвечал поэту взаимностью.

К нему в стихи собирались прекрасные розы и полезный виноград. Жаворонки звенели для него не только над шелковистой озимью полей, но и среди каменных городов. Возвещая весну, они подсказывали добрые чувства.

Первые стихотворные сборники Рыльского вышли

в 1910, в 1918, в 1922 годах. Первые эти книги были очень молоды, но их искренность возбуждала надежды. Поэт еще не знал, каких берегов достигнет, но ветер эпохи наполнял его паруса и компас истории указывал единственно верное направление.

Рыльский писал о слезах ради радости и о малом ради великого.

Не зная за собой слова неправды, он предлагал людям хлеб, который не черствеет.

Воспевая весну человечества и человечности, он увлекал людей в наше будущее, названное им праздником сердца, разума и воли.

Николай Ушаков

* * *

Докуривайте, господа, кончайте
Ликер и кофе. Мщенья грозный час
Уже настал. По лестнице грохочут
Железные шаги и сотрясают
Всю землю: никуда вам не укрыться
И гнева правого не избежать.

Ключи от житниц бросьте в океан,
В глухие, вспененные ветром волны,
Скупые рыцари, в последний раз
На золото взгляните в подземельях,
В последний раз уста своих любовниц
Накрашенных целуйте. Дверь трещит,
Гремит железо, голоса гудят,
И встало зарево в высоких окнах.

1925

Нет! Будущее... не казарма
И не цементный коридор!
Сияет в небе нам не даром
Золотоокий метеор —

Он над землей промчится в славе,
И мир наш будет голубым
От стен Кремля золотоголовых
До плит, где спит железный Рим.

1923

Я утомился от экзотики
С ее словесной шелухой...
Мерцают верб барашки-котики,
И лед пронизан синевою.

Пускай я счастья не нашел того —
Оно скользнуло по реке,
Как со свечою воска желтого,
С весенним лучиком в руке.

Еще зима скребется лапою
И двери с петель рвет со зла,—
А свечка капает и капает
Над грустью белого села.

1925

Он объезжает молодых коней.
С утра был дождь, и гречка пахнет пьяно.
Вдали синее пруд из-за бурьяна,
И теплый свет ложится у плетней.

Какие кони! Острыми ушами
Прядут, к любой готовые беде:
Они себя увидели в воде
И задрожали юными телами.

Но властвует над ними чародей,
Горячий кнут припрятав за спиною.
Средь буйных трав, под доброю звездою
Он объезжает молодых коней.

1925

В эпохе, что не повторится впредь,
Мы отдохнуть подчас душою рады.
К услугам нашим древних царств громады,
Народы, судьбы — всех их не воспеть!

Легенд библейских золото и медь,
Тень готики и синеву Эллады
Мы можем перенести в свои баллады
Или на полотне запечатлеть.

Но в наши дни — любить иль не любить
Все, без чего и дня нам не прожить,
Что мы творим руками молодыми, —

Лишь тот слепец — с чернилами в крови,—
Кто в жизни никогда не знал любви,
Терзается сомненьями такими.
1927

* * *

Ласточки летают — им летается,
И Ганнусе любится... Пора;
И волной зеленою вздымается
По весне Батыева гора.

Гнутся клены, машут небу синему,
Голубь тучу серебрит крылом.
День придет — и этот мир покинем мы,
Растворимся в небе голубом.

Пусть себе земля кружит, вращается,
Хоть вокруг лампочки. Земля стара.
Голуби летают — им летается,
И Ганнусе плачется... Пора...
1929

* * *

Бегут отары, кони ржут, ревет
В лугу бугай, отяжелев от пищи.
И птицы черные — их в небе тыщи —
Затянуты грозой в круговорот.

Как весело, как грозно буря рвет
В клочки огонь на старом пепелище,

Как дождь сечет, как пьяный ветер свищет,
Как даль стеной воды на нас идет!

Ликуй, земля! Пей струи дождевые,
Прими любовь их, как удар меча,
И упади в объятия грозовые!

Смотри — уж у тебя из-за плеча
Бьет солнца луч, и голос соловьиный
Сквозь треск и грохот катится лавиной.

1929

ТРУДЫ И ДНИ

Восходит зелень над землею черной.
Картинками старинных детских книг
Мелькнули годы. Я к земле приник
И каждый звук ловлю душой упорной.

Как верится мне в этот день просторный,
Как смех звучит сквозь чей-то плач и крик!
Трудов, и дней, и радостей моих
В руках сжимаю кубок чудотворный.

Пылают сосны. Вечер уронил
Росу на травы. Башен профиль строгий
На небосклоне алом проступил.

И вот в одну сбежались все дороги —
В одном едином взмахе — сотни крыл,
Все хаты древние — в одном чертоге!

1929

Наточили свои топоры мы —
Так и бритва остра не всегда!
И высоких дубов перед ними
Расступилась глухая орда.

Щепки брызжут и падают низко,
Шнур и мел указуют здесь нам,
Как суровую стать обелиска
Придавать неуклюжим дубам.

Топорам откликается эхо,
За ударом удар тяжеля:
Все, что есть на земле, — человеку,
Потому что и сам он — земля.

1932

БЕТХОВЕН

Д. Балацкому

Когда глухого гения музыки
Уже людей не достигали крики,
И слышал он лишь бунт стихий немых,
И в страсти вспененной слагал из них
Гармонии, что для него сокрыты, —
Настигла смерть. Известный и забытый,
Прославленный, презренный властелин
И раб, он умирал. Завесы туч-махин
Застлали небо. Потемнело все.
Гроза гремела. Мыслей колесо
Кружилось в ночи немой и голой.

И вдруг, неутоленной жажды полон,
Он вострепнулся раненым орлом.
Он слышал, слышал! — Ах, весь мир —
на слом,
И вновь создать, и одарить добром
Сынов земли! — Он слышал: темный гром
Перекатился под тяжелым кровом.
И, трепетом надежд охвачен новым —
А смерть уж на челе чертила знак, —
Он небу гордый показал кулак —
Бетховен! Этот жест руки худой
Страшнее был симфонии любой!
1932

* * *

Тебе одной... Хоть фраза та не раз,
Мильоны раз писалась и певалась, —
А много ли таких на свете фраз?
Тебе одной все, что в душе осталось.

Еще осталось ведь немало там
И трав сухих, и роз, что тонко пахли,
И мир еще так сладостен очам:
Лицо в окне и на деревьях капли.

Коль пробегает по спине мороз
И седина редет постепенно,
Коль грянул час и смысл его угроз,
Казалось, разумеют даже стены, —

Одной тебе, худой руке твоей
И сердцу твоему я доверяюсь,

Тепло мне скажет сердце: «Молодей,
Живи, твори!» — И я... я покоряюсь.
1938

ИЗ СТИХОВ О ПУШКИНЕ

Нет, весь я не умру...

А. С. Пушкин

Оловянный прищур Николая
И Дантеса профиль роковой...
Друг корит, заря встает, пылая,
Враг крадется тайною тропой.

На балу беспечная Мадонна
Вьется, словно глупый мотылек.
Спит земля, но боль твоя бессонна,
Ей найдется в сердце уголок.

Что там счастье — лишь бы этот слабый
Свет в окне, и глушь, и сонный мир,
Где тебя жандарм не тронет лапой,
Не прикажет царь одеть в мундир.

Книги в синем дедовском сафьяне,
Шумных дней лицейских череда,
Воркованье старой доброй няни —
Разве все проходит без следа?!

След на сердце — дружба и признанья,
И порывы юности, и сны...
Разве это только ожиданье
Невозможной для него весны?

Нет! Тянулись руки не от скуки
К верному и строгому перу...
И когда пришла пора разлуки,
Вдруг он вспомнил: «Весь я не умру!»
1938

ПИСЬМО ПО УТЕРЯННОМУ АДРЕСУ

Сутулый, в гимназической фуражке,
Рассеянный мечтатель и позер,
Терявшийся среди чужих, — замашки
Я эти сохранил и до сих пор, —

Таким в зеленом Корсуне, над Росью,
Я был, когда тебе сказал я «ты»
И в первый раз в твоих тяжелых косах
Почувствовал и росы и цветы;

Когда из пригоршни твоей пил воду —
Ты помнишь? — у криницы ледяной,
И голос иволги горячим медом
Плыл, опьяняя в тишине лесной;

Когда из погремушки-пистолета,
Приревновав меня, стрелялся друг;
Когда, волнуясь, мы читали Фета;
Когда под летним ливнем во весь дух
Мы бегали — и под душистым сеном
Украдкой целовались в час ночной,
И колыхалось над твоим коленом
Лишь платице батистовой волной;

Когда я был такой наивный, дикий,
Каким хочу я быть — и не могу...

Там, среди клевера и повилики,
Быть может, счастлив был я на лугу.

А спицы бабушки! Она, поди-ка,
Чулок связала чуть не миллион!
А спелая и сладкая клубника,
Глядевшая на нас со всех сторон!

На белый подоконник на рассвете
Ее ты клала мне... Я помню их,
Рассветы рдяно-золотые эти,
И всплески весел, верных и живых!

Все это было: и река в купавах,
И яблоня, и песня, и окно,
И жадность рук, тревожных и лукавых,
Во тьме провинциального кино,

И влажных уст сердитое молчанье,
Когда, быть может, я и не был прав,
И без большой печали расставанье —
Слезинки не упало на рукав...

Куда там — слезы! Синяя от века,
В лебяжьих облаках манила даль,
И верилось: на то лишь человеку,
Чтоб радость подчеркнуть, дана печаль.

Еще не знал я, что асфальт перрона,
И лестничка, и переход к окну
Родят когда-то столько слез соленых
Или слезу — но жгучую — одну.

Я сыпал шутки и краснел при этом,
Махал фуражкой, шумен, бестолков,
Не знал еще положенных поэтам
К подобным случаям идущих слов.

И был я даже рад, когда помалу
Мой поезд двинулся и взял разгон,
И чудеса дорога раскрывала,
Покачивая мчавшийся вагон.

А дальше — Фастов, где я нанял пару
За пять рублей, последних у меня,
И развалился в фаэтоне старом,
И клячи потащились, семеня.

Звенели бубенцы, и балагула *,
Качаясь, восседал на передке,
И роза увядавшая уснула
На синей куртке, в левом уголке.

Ты сорвала ее мне на прощанье
И приколола — миг неповторим!
Но красных лепестков очарованье
Казалось вечным только нам одним.

Что было дальше?.. Что всегда бывает!
Возницы нет уже давно в живых,
И кто-то вновь в дорогу провожает
Кого-то юного, — и взоров их

---

* Б а л а г у л а — возчик.

Случайная слеза не затуманит...
Без берегов и жизнь и счастье их,
И, может быть, надежда не обманет
Мне незнакомых этих молодых!

Не знаю, где ты, кто ты, что ты нынче,
Былое отлетело без следа...
Но верю я, как надлежит мужчине,
Что ты и хороша и молода.

1939

ПОРТРЕТ ЛЕНИНА

Его портрет — в колхозной хате скромной,
Его портрет — в землянке у бойца, —
Портрет того, кто волею огромной
Соединил народные сердца.

Его портрет, который наши дети
Цветами любят нежно украшать, —
Портрет того, кто в глубине столетий,
Как солнце, землю будет озарять.

Когда кипит за вольность бой священный,
Мы пронесем сквозь дым и смертный прах
Его портрет: ведь он живет, нетленный,
На всей земле, во всех живых сердцах.

21 января 1942 г.

ВЕСНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Опять весна, вновь жаворонки в поле, —
А с каждою весною, с каждым днем
К нам ближе то, что будущим зовем, —
Великий праздник душ, ума и воли.

Давно ль березы, клены были голы?
Они зеленым вспыхнули огнем.
Вот сеятель глядит. И радость в нем
От нив, покрытых зеленью веселой.

Девчата, что одеты легче всех,
Жемчужно-нежный рассыпают смех,
Как песне, отдавая все работе.

Сегодня груша расцвела, пышна,
Я чувствую в весеннем повороте:
Приходит человечества весна!
1950

СОЛОВЬЯМ УКРАИНЫ

В разлуке с соловьями Украины
Все сердце старое мое болит:
С ним говорит, его зовет, манит,
Как будто юность, край мой соловьиный.

Версаль и Лувр не могут не пленять!
Как хороша французская столица!
Оно, конечно, гостю не годится
О Лохвице в Париже вспоминать,

Забудь о Миргороде и о Сквире,
Лесной свой Голосеев позабудь, —
В лесу Булонском сладко дышит грудь,
Как рай и омут он известен в мире!

Здесь множество приветливых людей,
Сады здесь удивительно густые,
Но вербы не могу забыть родные —
Их голоса в чужой стране слышней.

Мой край родимый, край мой соловьиный,
Как взгляд ребенка, ты меня томишь,
Как ни одно вино, меня пьянишь —
По соловьям тоскую Украины!

1957, Париж

ВИНОГРАДАРЬ

Бог веселый винограда...

Пушкин

Шумный, шустрый, загорелый,
На все руки молодец,
Взял секатор и за дело
Ловко принялся юнец:

Лишний там побег подрежет,
Веточку подвяжет тут.
Старость радостную тешит
Молодости ладный труд.

Ранним утром, на рассвете,
Пощадил злодей мороз
Вырезанные листья этих
Узловатых темных лоз.

Там, где будущие вина,
Хоть и бродит сок, а спят,
Есть для радости причина:
Будет урожай богат.

И смеется среди сада,
Удивляя старых муз,
Бог веселый винограда,
Кончивший советский вуз.
1955

РОЗЫ И ВИНОГРАД

С работы девушка усталая пришла
И, хоть вечерять мать зовет ее из хаты,
За цапку — и в цветник, где роза расцвела,
Где раскудрявились кусты зори * и мяты.

Вернулся из своей поездки машинист,
Покрытый пылью весь, насквозь пропахший
дымом,
И — к винограднику! Попорчен, может, лист
Мучнистою росой **. Спасать необходимо!

---

* З о р я (иначе — любысток) — многолетнее травянистое растение семейства зонтичных.

* Мучнистая роса — болезнь многих растений, в том числе и винограда.

Цветения закон и раз, и два, и три,
И много раз юнец исследовал пытливый.
И в огороде мак поднялся — посмотри! —
Как будто пламени живого переливы.

Мы любим музыку, что за сердце взяла,
И творчество в труде, что стало повсеместным.
У счастья нашего есть равных два крыла:
Цвет роз и виноград — прекрасное с полезным.

1955

ДИАЛОГ,

навеянный дискуссией об искусстве в «Комсомольской правде»

Первый голос

В наши дни космической ракеты,
Кибернетики и див иных
За борт выбросьте скорей, поэты,
Допотопных соловьев своих!

Выбросьте симфонии, мечтанья,
Как тряпье швыряют за порог!
Кто станок наладить в состоянии —
Больше значит, чем картин знаток!

Второй голос

Этот спор ведет свое начало,
Может быть, весьма издавека,
Только человеку, право, мало
Быть лишь дополнением станка!

Как убого выглядит все это!
Отчего так пали вы, друзья,
Чтобы в дни космической ракеты
Не слышать пенья соловья?
1959

СТАЯ ЖУРАВЛЕЙ

Мы натянули над рекой шатер,
округлый, островерхий, желто-белый,
подобный тем, что половцы в степях
натягивали в древнюю эпоху,
подобный тем, что ставили в степях
чубатые отчаянные предки, —
Тарас Григорьевич о таких писал,
дополнив, что любило сине-море
их беспредельно, помогая им
в пути на Крым, Царьград, — таких походов
не ведала история веков...
Расположились мы у волн Днепра,
уж если и не очень по-казацки,
то по-рыбацки. Таганок древнейший
в соседстве беззаконном был у нас
там с примусом. А наш челнок — не чайка
и не байдак, а нечто поновее —
моторка... В том, однако, состояньи
ужасном, до какого довели
ее лихие наши мотористы,
философы из новых Куприянов.
Равняется российскому «авось»
примолвка дорогого Куприяна,
в ней смысл извечный: «Якось то будé!»
Над тем «авось» еще смеялся Пушкин.

И Куприяны тоже уж давно
живут лишь в песне старой, что сложил
наш Лысенко. И в песне вечной той
поется, что собралась как-то раз
компания ремесленников. Это
давно произошло. А мастера
объединялись раньше по цехам.
(Теперь сказали б мы — по профсоюзам.
Конечно, это сходство здесь условно,
так пусть меня историки простят!)

Как в песне говорится, были там
сапожники и кузнецы. Там были
портные, винокуры, пивовары
и музыканты. Хоть была мала
компания такая, но честна.
Руководил пирушкой мастеров
премудрый Куприян, кого прозвали
«Соломенным Цехмейстером». Гуляли
там весело, и чокались, и пили...

Вдруг чей-то крик: «Беда, идет жена!»
Тут действие достигло драматизма:
тот прятаться зовет, а тот — признаться.
Один кричит: «Сидите, братцы, тихо!»
Другой: «Беда! Ой, братцы, будет лихо!»
И лишь философ Куприян сказал
спасительное: «Якось то будé!»
Тот афоризм любимый Куприяна,
казалось бы, навеки сдан в архив!
А на тебе! — бывает и такое,
что иногда объявится у нас
и портит дело людям поговорка.
Итак, нам правду нечего таить!
Отчаянные хлопцы — молодцы,

на каравелле нашей капитаны,
и лоцманы и боцманы они же —
из двух персон единый экипаж!
Шоферы в мореплаватели вышли,
все ж на «авось» привыкли полагаться:
в них что-то куприяновское есть.
Но полноте! Хоть «винт» у них «летел»,
и рвался трос, и всякое такое
случалось каждый раз у них в дороге, —
доехали и натянули мы
тот свой шатер, — с него рассказ мой начат.
Ловили на живца мы окуней
в том «волчьем горле» — так зовут протоку,
где на песчаной мели белизна,
где щуки по утрам мальков гоняют
и сильными ударами своими
сердца рыбацьи радуют всегда!
Стрижи кружились в небесах над ними,
покинувшие норки в этот час,
усеяв, испещрив все побережье —
огромнейшую глиняную стену,
крикливые мартины верещали,
и кулики пронзительно свистели
на оголенной ветрами косе.
Вблизи прошли и скрылись пароходы:
на пассажирском — радио и песни
(плыл с дальними, но близкими людьми...),
и двигались буксиры грузовые,
нас удивляя силою своею.
Они везли дрова, руду и уголь
по вспененным и пожелтевшим водам,
а то и бесконечные плоты,
как будто хвост огромнейший тащили,

как очередь тащили за собою.
Моторки беспокойные сновали —
все с нашим братом, до лещей охочим,
с веселою и шумной молодежью,
что подставляла бронзовые спины
под солнце с ветром, иногда под дождь.
Несметных Робинзонов или Пятниц
встречал я у раскинутых палаток;
перекликались чайками они...
И диво дивное — весь этот гомон,
все эти звоны, крики, перегуды,
движенья — все спокойствием казалось,
как небо, величавой тишиной,
как даль Днепра, как те луга и рощи,
что волнами ушли за горизонт!
Вдвоем с Андреем, удочки закинув,
присели мы и молча закурили,
задумались... И вдруг! Кто там летит?
Конечно, журавли! И в августе! Так рано!
Да где ж они? — дивились долго мы,
и оглянулся я тогда внезапно
через плечо... «Андрей! Гляди, гляди!»
Мы вместе поднялись. И перед нами
открылась бесподобная краса!
Кружили журавли огромной стаей
невысоко и плавно над землей:
казалось нам, что над палаткой нашей
безмолвный танец в воздухе вели...
То был не тот хрестоматийный клин,
к которому мы, на картинки глядя,
привыкли иль познали по стихам,
и прозе, и воспоминаньям детским,
и песням... Нет! Веселая игра

какая-то представилась. Я вспомнил,
что журавля в народе зачастую
зовут «веселиком», чтоб он веселье,
а не печаль народу приносил!
(Смотри «Словарь» Гринченки, первый том.)
Все выше, выше стая подымалась
в чудесной той таинственной игре,
которая была лишь подготовкой
к дороге дальней, думалось, — и вдруг
растаяла видением счастливым.
В моей душе та стая пробудила
воспоминаний рой — дурных и сладких —
о сгинувших в неизвестности друзьях,
об их рукопожатьях, о беседах,
о веснах, что навеки отзвенели,
о песнях тех, которых не вернуть...
И вспомнилось, как некогда с женой,
вернейшим другом в непогодь и в вёдро,
я жил на Черноморском побережье...
Был день такой — как бы из рукава
какого-то волшебного над морем
летели и летели журавли
на юг жемчужным, серебристым клином,
сияющим и гаснущим вдали.
И слышалось курлыканье над морем
и громко так, и радостно, и грустно —
ах, что те звуки в сердце пробуждали!
Открылась нам — мы поняли тогда —
безмерность мира и любви величье,
и не было иных у нас желаний,
как вновь услышать в синем поднебесье
тот светлый клич, те трубы золотые,
что возвещают радость человеку!

И знали мы и верили мы твердо, —
ту веру берегу я и поныне:
пусть осень шелестит листвою умершей,
пусть старость чешет седину лукаво —
у человека, коль он человек,
коль сердце у него открыто людям,
само страданье в радость вырастает,
и над землей, туманами покрытой,
плывут «веселиками» журавли!..

1959

* * *

Вы о многом слышали, не скрою,
Только речь о том я поведу,
Как гнездятся вальдшнепы порою
В нашем Ботаническом саду.

Вдумайтесь: шумит, гремит столица
(Гоголь что-то говорил о том),
А под осень прилетает птица
Из страны, где море дышит льдом.

С черными, печальными очами,
С длинным клювом, словно про запас.
Неприметна лунными ночами
Для пустых и равнодушных глаз.

То молчит она во мгле ненастной,
То вдруг вскрикнет — улетать пора...
О, какая ж радость, свет мой ясный,
В быстром шуме птичьего пера!

1959

Сердце верит в добрые приметы, —
Логикой поди его умерь!
Ни к чему тут всякие запреты...
Веришь малость? На здоровье, верь!
Вот дорога лентой расстелилась.
Сколько пронеслось по ней машин!
Сколько в них сердец горячих билось
Безо всяких видимых причин!

Загляни внимательнее в очи —
Сколько разных судеб и тревог!
Интонаций, пауз, многоточий
Бесконечно радостный поток.

Только верю — есть на то причина, —
Что живут они одной семьей:
Перешла дорогу им дивчина,
Ведро полные неся домой.

1959

Лес, повитый серебристым дымом,
Над землей — последние стрижи...
Мягкой кистью в небе нелюдимом
Расписала осень витражи.

Это только осенью бывает:
У березок голых на виду

Укусное дерево пылает,
Как костер, в большом моем саду.

Я жене привез его когда-то,
Посадил у дома, под горой...
А теперь один в часы заката
Я люблюсь кроной золотой.

Вновь меня ты манишь издалека,
Сонное тревожа забытье...
Память сердца — о, она жестока,
Только легче с ней, чем без нее!
1959

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

Искусства нашего значенье
Я осознал на склоне лет,
Как слов таких соединенье,
Как простоты такой секрет,

Когда ни фокусам цветистым,
Ни позолоте расписной,
Как вероломству в сердце чистом,
Нет места в строчке ни одной.

Когда эпитет бьет стрелою,
Удачею венчая труд,
Когда дорогою прямою
Тебя метафоры ведут,

Когда из глубины сравнение
Выныривает, как дельфин,

И вызывает удивление
По поводу таких глубин!

Пусть сложится любая книга
Из слов, что вычеркнуть нельзя,
А рифмы верные без крика
Пусть служат, как в беде друзья.

Когда ты поднял парус смело,
Взять компас не забудь с собой!
Поэт! Скорей берись за дело
И мир нам заново открой!

1960

луч

Бывает так: еще не встали зори,
Колышет сон земные города,
И небеса безмолвны, как всегда,
Не видно звезд в космическом просторе.

И вдруг проснешься. И в открытом взоре
Проснется мысль, что ты искал года.
Проснутся руки, требуя труда.
Проснется первый лист на осогоре.

Что случилось с сердцем в этот ранний час?
И почему ты веришь, что сейчас
Случится чудо, мир преображая?

То постучался луч в твоё окно,
И свет пролился, весело играя,
Как юности живительной вино...

1963

ПРОРОК ЗАРИ

Он с детских лет до старческих седин
Живет в тебе, как свет твоей свободы.
Он шепчет в сердце «Знай, ты не один,
С тобою друг в дни счастья и невзгоды».

Его слова — живой воде под стать,
Что лечит раны, мертвых воскрешает.
Земная правда, словно сыну мать,
Ему свои объятья раскрывает.

Когда усталость прокрадется в грудь
Или мелькнет сомненье тенью черной, —
Припомни лишь, какой прошел он путь,
Какие бури вынес, непокорный!

Поет свирель — когда тоскует он,
Гремит гроза — когда в нем гнев клокочет.
Он мукою народною рожден,
Он счастье человечеству пророчит.

Он видит: поколение растет,
Горит огонь во тьме и не сгорает,
И с молодыми сквозь века идет
Пророк зари, что землю осеняет.
1964

ПОЭТИЧЕСКИЕ КНИГИ М. Ф. РЫЛЬСКОГО

Переводы с украинского

- Избранные стихи. М., Гослитиздат, 1935.
Марина. Повесть в стихах. М., Гослитиздат, 1937.
Избранное. М., Гослитиздат, 1940.
Слово о матери Родине. М., Гослитиздат, 1943.
Лирика. М., изд-во «Советский писатель», 1944.
Стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1945.
Путешествие в молодость. М., изд-во «Советский писатель», 1945.
Избранное. М., изд-во «Советский писатель», 1949.
Собрание стихов. М., Гослитиздат, 1950.
Избранное. М., Гослитиздат, 1954.
Сад над морем. М., изд-во «Советский писатель», 1955.
Розы и виноград. М., изд-во «Советский писатель», 1957.
Далекие небосклоны. М., изд-во «Советский писатель», 1960.
Розы и виноград. М., изд-во «Советский писатель», 1961.
Далекие небосклоны. М., изд-во «Советский писатель», 1961.
Радуга над миром. М., изд-во «Советский писатель», 1962.
Сочинения. В 4-х т. М., Издательство художественной литературы, 1963.

СОДЕРЖАНИЕ

О М. Ф. Рыльском. Николай Ушаков	3
«Докуривайте, господа, кончайте...» Перевод Н. Ушакова .	5
«Нет! Будущее... не казарма...» Перевод В. Карпеко . . .	6
«Я утомился от экзотики...». Перевод Л. Смирнова . . .	6
«Он объезжает молодых коней...» Перевод Л. Смирнова .	7
«В эпохе, что не повторится впредь...» Перевод Л. Смирнова	7
«Ласточки летают — им летается...» Перевод В. Карпеко .	8
«Бегут отары, кони ржут...» Перевод Л. Смирнова . . .	8
Труды и дни. Перевод Л. Смирнова	9
«Наточили свои топоры мы...» Перевод В. Карпеко . . .	10
Бетховен. Перевод В. Карпеко	10
«Тебе одной...» Перевод В. Карпеко	11
Из стихов о Пушкине. Перевод Л. Смирнова	12
Письмо по утерянному адресу. Перевод А. Гатова . . .	13
Портрет Ленина. Русский текст автора	16
Весна человечества. Перевод В. Карпеко	17
Соловьям Украины. Перевод Н. Ушакова	17
Виноградарь. Перевод Н. Ушакова	18
Розы и виноград. Перевод М. Исаковского	19
Диалог. Перевод П. Карабана	20
Стая журавлей. Перевод М. Вершинина	21
«Вы о многом слышали...» Перевод Л. Смирнова	26
«Сердце верит в добрые приметы...» Перевод Л. Смирнова	27
«Лес, повитый серебристым дымом...» Перевод Л. Смирнова	27
Искусство поэзии. Перевод Л. Смирнова	28
Луч. Перевод Л. Смирнова	29
Пророк зари. Перевод Л. Смирнова	30
Поэтические книги М. Ф. Рыльского	31

5 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ